

УДК 811.512.111'342(09)

ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЧУВАШСКОЙ И СРЕДНЕБУЛГАРСКОЙ ФОНЕТИКИ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Желтов П. В.

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», Чебоксары, Россия
(428015, Чебоксары, Московский пр., 15), e-mail: chnk@mail.ru*

Проведен обзор работ известных тюркологов по поводу происхождения чувашского *o/u* в первом слоге и их критический анализ, представлены соответствия чувашского *o/u* тюркскому *a* ~ казанско-татарскому *a°* ~ башкирскому *a°* ~ узбекскому *o*, а также проведен анализ моделей огубления в чувашских диалектах. Показано различие моделей чувашского и татарско-башкирского огубления, равно, как и общие моменты, и типологическая близость чувашского огубления узбекскому, которое является результатом влияния среднеазиатского дари. Исходя из этого, поставлена под сомнение гипотеза о влиянии татарско-башкирского (кыпчакского) вокализма на образование чувашского *o/u*, выдвинутая Р. Г. Ахметьяновым. Чувашская модель огубления не соответствует полностью и пермской модели, и таким образом не объясняет её и гипотеза Б. А. Серебrenникова о пермском происхождении чувашского огубления. Исходя из этого, следует считать открытым вопрос о происхождении чувашского «оканья» и «огубления», а также вопрос об огласовке алифа в булгарских эпитафиях.

Ключевые слова: чувашский вокализм, татарско-башкирский вокализм, дифтонгизация, протезирование, огубление гласных, дeлабилизация.

THE QUESTION OF RECONSTRUCTION OF ANCIENT CHUVASH AND MIDDLE BULGHAR PHONETICS: A CRITICAL REVIEW

ZheltoV P. V.

Chuvash State University, Russia, Cheboksary. e-mail: chnk@mail.ru

We have analyzed the works of famous turcologists on the subject of origin of Chuvash *o/u* in the first syllable and made a critical review, have presented the correspondances of Chuvash *o/u* to Turkic *a* ~ Kazan-Tatar *a°* ~ Bashkir *a°* ~ Uzbek *o*, as well as have made an analyzis of models of labialization in Chuvash dialects. Were shown the differences of models of Chuvash and Tatar-Bashkir labialization, as well as their common moments, and the typological correspondance of Chuvash and Uzbek labialization, the last being the result of influence of Central Asian Dari language. This makes the R.G. Akhmetyanov's hypothesis about the influence of Tatar-Bashkir (Kypchak) vocalizm on the genesis of Chuvash *o/u* quite doubtful. The Chuvash labialization model doesn't also completely correspond to the Permian model, and thus the B.A. Serebrennikov's hypothesis of Permian influence on the genesis of Chuvash labialization cannot explain it. Thus, the question of the genesis of Chuvash *o* and labialization, as well as the question of the vocalization of the aliph of Bulghar epitaphs must be considered open.

Key words: Chuvash vocalizm, Tatar-Bashkir vocalizm, diphthongization, prosthesis, vowel labialization, delabialization.

Введение

Чувашский язык является единственным живым представителем булгарской группы. Поэтому в тюркологии чувашскому языку всегда уделялось и уделяется должное внимание, особенно в вопросах реконструкции пратюркского языка-основы. Однако до сих пор нет реконструкции фонетики древнечувашского языка – непосредственного предка чувашских диалектов. Не до конца изучен ряд особенностей вокализма и консонантизма чувашского языка. Поэтому актуальными являются исследования чувашских диалектов и их говоров в аспекте синхронии и диахронии.

Цель исследования. Выяснение происхождения чувашского огубления.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема развития чувашского вокализма в диалектах и его происхождение включает в себя прежде всего такие аспекты как чувашские междиалектные соответствия $o \sim \delta \sim u$; происхождение низового u ; объяснение соответствий чув. $o \sim$ общетюрк. a , чув. $o \sim$ каз.-тат. и башк. $\acute{a} \sim$ мишар.-тат. $a \sim$ общекрыпчак. a .

Звук o в чувашском языке имеет два источника:

- 1) из общетюркского a : *торт*- 'тянуть', *тора* 'гребень', *солă* 'плот', *ола* 'пестрый', *сохрайм* 'верста' ~ общетюрк. *тарт*, *тарақ*, *сал*, *ала*, *чакрым*;
- 2) из общетюркского o в противоположность тат. и низовому чув. u : чув. верх. *хол* 'рука, плечо', *сол* 'дорога', *пол* 'быть', *воннă* 'десять', *охă* 'стрела' ~ общетюрк. *қол*, *йол*, *бол*, *он*, *оқ* ÷ тат. *қул*, *йул* || *жұл*, *бул*, *ун*, *уқ* ~ чув. низ. *хул*, *сул*, *пул*, *вуннă*, *ухă*.

Переход общетюркского a в $a^o > o > u$ свойственный чувашскому, был свойственен ($a > a^o > o$) и волжско-булгарскому, и древнебулгарскому, о чем говорят чередования a/o в болгаро-тюркском заимствованиях венгерского языка, *alma* || *olma* 'яблоко', *bolta* || *balta* 'топор' [15], [2]. Заметим, что эти заимствования являются словами общетюркского облика (без каких-либо особенных фонетических признаков, свойственных болгаро-чувашскому языку) и поэтому могут быть и тюркизмами, ведь оканье наблюдалось и в половецком языке.

Р. Г. Ахметьянов обращает внимание на то, что общетюркский o в верховом диалекте чувашского языка сохранился только в Козмодемьянском говоре (?! – П. Ж.), причём ссылается при этом на Т. М. Матвеева [9], [2]. Исходя из этого неверного постулата (в действительности общетюркский o в указанных словах присущ всему верховому диалекту чувашского языка), и постулата о том, что общетюрк. $\ddot{o}$ сохранился также только в Козмодемьянском говоре (северо-западных говорах – сундырско-козьмодемьянских, малокарачкинском и большекарачкинском – П.Ж.) верхового диалекта чувашского языка (верно!) и в горно-марийском диалекте в тюркских заимствованиях, Р. Г. Ахметьянов считает возможным, что слова с этими признаками в Козмодемьянском говоре (северо-западных говорах – П.Ж.) чувашского языка и горно-марийском диалекте восходят к сергачско-мишарскому говору татарского языка, сохранившему общетюрк. o и $\ddot{o}$ до конца XIX в. [1]. Сюда же автор относит сохранившееся в некоторых говорах чувашского языка (каких? – П.Ж.) и в горно-марийском некоторое количество слов (чувашские слова не приводятся), у которых общетюрк. o отражается как a или изредка как o (вторичный, по мнению Р. Г. Ахметьянова) [2]:

Общетюрк.	Мар.	Тат.	
<i>йолдаш</i>	<i>йалташ</i>	<i>йулдаш</i>	'товарищ', 'попутчик'

<i>йомақ</i>	<i>йомак</i>	<i>йомақ</i>	‘сказка’
<i>соган</i>	<i>шаган</i>	<i>суган</i>	‘лук’
<i>солагай</i>	<i>шалагай</i>	<i>сулагай</i>	‘левша’
<i>оқ</i>	<i>ок</i>	<i>уқ</i>	утверд. частица.

Это, по его мнению, подтверждается тем, что некоторые примеры на $o > a$ содержат лишь половецкие и мишарские параллели, причем иногда слова русского происхождения [2]: полов. *соқа* – мар. *шага* – тат. *суқа* ‘соха’; миш. *олук*, *олык* – мар. *альк* ‘луг’ [14].

Это утверждение неверно, т.к. все эти слова есть и в чувашском: чув. *соһа/суһа/соһа* ‘соха’; чув. *ольх/ульх* ‘луг’. Более того, мар. *шага* восходит не к татарским и половецким аналогам, а к болгаро-чувашскому, т.к. чув. щелевое *h/* диал. увулярное *ʃ* передаются через мар. *z*, а тат. *q*, чув. и миш. *k* передаются через мар. *k*. Чув. увулярное *ʃ* (~ тюрк. *ɣ*, тат. *z*) присутствует как раз в чув. говорах, соседствующих с горномарийским диалектом.

По данному пункту автор оставляет неясным, как в таком случае выглядели слова с $o || \ddot{o} \sim$ общетюрк. $o || \ddot{o}$ в среднебулгарском (если $o || \ddot{o} \sim$ общетюрк. $o || \ddot{o}$ из мишарского, то, что было соответствием этим звукам в среднебулгарском – $a ||$ ‘некий звук X ’?).

По первому пункту Р. Г. Ахметьянов придерживается мнения о том, что переход ($a > a^0 > o$) в болгарском и чувашском восходит не к древнему финно-угорскому (пермскому) субстрату (точка зрения Б. А. Серебренникова, см. [17]), а имеет кыпчакское происхождение [2]: «Судя по произвольному чередованию $o \sim a$ в древнерусской передаче половецкого произношения в летописи, оканье типа татарского a^0 имело место и в половецком языке: *аба* || *оба* ‘медведь-предок’, ‘гнездо, род’; *Алтунопа* || *Олтунопа*, *Асинь* || *Осинь* – имена половецких вождей [12]. Оканье наблюдается и в кыпчакских заимствованиях в русском языке: *козак*, *корсак*, *лошадь* (общетюркские соответствия: *казак*, *карсак*, *алаша* или *атлуша* и т.д.). Оканье есть и в узбекском языке, причем переход a в o , как и в чувашском, сделал возможным переход $\ddot{a}$ в a [16]. С другой стороны, оканье ($a > o$), сопровождаемое, как и в татарских говорах, переходом o в a в словах, наблюдается и в говорах кумыкского языка: *шалай* (общетюрк. *шолай*) ‘так’, *шанча* (общетюрк. *шонча*) ‘сколько’ [6]. Все это, на наш взгляд, заставляет предполагать кыпчакское происхождение оканья».

Здесь автор солидарен с Б. А. Серебренниковым, который доказывает, что в древнечувашском (среднебулгарском, согласно Р. Г. Ахметьянову) оканья не было, как не было его и в древнемарийском языке. Восточные (луговые) марийцы, по мнению автора [2], оказались под влиянием окающих кыпчаков – йемеков, предков казанских татар [2], а

западные мари́йцы были в тесных отношениях с акающими кыпчаками – предками сергачских мишарей [2].

Происхождение оканья самих кыпчаков автор считает возможным связать с о скифско-иранским субстратом [2].

Таким образом, верховой чувашский *o* в первом слого автор считает вторичным, вызванным влиянием кыпчакских языков.

Он однако не указывает точной хронологии этого процесса (начался ли этот процесс в среднебулгарском или уже после, собственно в чувашском).

Переход *o>u* в низовом диалекте чувашского языка Р. Г. Ахметьянов считает третичным ($a^o > o > u$) и связывает с уже вторым по счету преломлением чувашских гласных через призму татарско-башкирского вокализма (первое $a > a^o > o$) [2].

По мнению Р. Г. Ахметьянова, образование низового диалекта чувашского языка произошло при сильном смешении в XV – XVII вв. мишарей и чувашей, при этом чувашский язык, на который перешла часть ассимилированных чувашами мишарей, воспринял систему вокализма мишарского диалекта (переход *o/u*, т.к. *o* в мишар. отсутствует – П. Ж.). В тех же местах, где победил мишарский диалект, он не воспринял значительного количества элементов из чувашского [2].

По мнению автора, к юго-западу от бассейна Цивилия и Кубни в XVI – XVII вв. жило самое разнородное тюркское и финно-угорское население. К середине XVI в. в южной половине современной Чувашии предположительно господствовал мишарский диалект с сильным влиянием казанско-татарского, о чем, по его мнению, свидетельствует даже название реки Цивиль в русской передаче (ср. мишар. *Цәвел*, но чув. *Савал*, каз.-тат. *Суйыл* [орф. *Чуйыл*]), а также некоторые исторические данные, приводимые в диссертации Л. Ш. Арсланова [1], по которым раньше мишари были расселены по р. Свияге до её устья [2].

Там же однако автор отмечает, что название Свияга, наоборот (в противоположность названия реки Цивиль в русской передаче), отражает «скорее чувашское (тат. *Зәйә*, *Зүә*, чув. *Сёве*), чем татарское произношение» [2].

Чувашские заимствования в удмуртском языке с *u* в первом слого – *бусы* ‘поле’ (чув. низ. *пұсă*, чув. верх. *посă* ~ тат. *ба^oсу*), *бултыр* ‘своячница’ (чув. низ. *пультыр*, чув. верх. *полтыр* ~ тат. *ба^oлдыз*), *бусено* ‘свояк’ (чув. низ. *пуçана*, чув. верх. *поçана* ~ кыпчак. *бажсанак), *тумошо* ‘зрелище’ (чув. *тамаша/тăмаша*, *тумаша* ~ тат. *та^oмаша*) и прочие [18] [4] – Р. Г. Ахметьянов считает восходящими прямо к удмуртскому языку, а переход *o>u*, по его мнению, осуществился в самом удмуртском языке и не является результатом влияния низового диалекта чувашского языка [8], [2].

Автор не объясняет, как и где получилось верховое чувашское *o* на месте общетюрк. *a*, ведь, как и он сам признаёт, чувашское «окающее» и «огубляющее» население нигде не соприкасается с татарскими диалектами вообще (со ссылкой на Л. П. Сергеева [10]), а основной ареал распространения чувашского языка нигде не граничит с собственно казанскими татарами, а лишь с мишарями («акающими» – П. Ж.) и смешанными мишаро-казанскими (правобережные районы Татарии – П. Ж.) говорами [2]. Следует также особо отметить, что горно-марийский язык также является «акающим» (в противоположность «окающему» луговому), поэтому чувашское верховое «оканье» и «огубление» не объяснить марийским субстратом.

Возникает естественный вопрос: не является ли это наследием среднебулгарского?

Тогда, если кыпчакское влияние на возникновение этой особенности и имело место, то непосредственно в среднебулгарскую эпоху. К сожалению, эпитафии волжских булгар не дают однозначного ответа на этот вопрос, потому что, во-первых, до сих пор нет единого мнения по поводу чтения алифа в первом слоге булгарских слов, а во-вторых, язык эпитафий представляет наверняка не все среднебулгарские диалекты.

Сам Р. Г. Ахметьянов также отмечает, что переход *a* в *o* в первом слоге (по закону субституции) вызывал переход первичного *o* в первом слоге в другой звук [2]. Так, в узбекском языке после перехода *a>o* на месте общетюркского *o* появился звук *ў*. В языках Поволжья и Приуралья общетюрк. *o* замещается звуком *y*, но причинных связей между *a>o* и *o>y* констатировать нельзя, поскольку передвижение *o>y* || *y>ǔ* наблюдается и в татарских, и башкирских диалектах и говорах, у которых огубления (*a>a^o*) нет и не было [2].

Он также отмечает, что переход *o>y* имел место и в истории финно-угорских языков Поволжья и Приуралья (в частности, в удмуртском, что, по мнению автора, прослеживается в укающих заимствованиях из булгарского, не связанных с низовым диалектом чувашского языка) [2].

Р. Г. Ахметьянов при постановке вопроса о кыпчакском влиянии на чувашское «оканье» и «огубление» не учитывает совершенно различную тенденцию этих явлений в чувашском и казанско-татарском: дело в том, что в третьем слоге татарских слов следы всякого огубления исчезают, хотя в некоторых казанско-татарских говорах она сохраняется, однако даже во втором слоге огубление меньше чем в первом (*a^o* (1-й слог) – *a^o* (2-й слог) – *a*), о чем упоминает и сам автор [2], в то время как в чувашских диалектах первый слог может быть неогубленным, а последующие (2-й и 3-й) огубленными (что не бывает в татарском), ср. чув. *папой* [пабой] ‘дедушка’ ~ тат.-миш. *бабай*, каз.-тат. *ба^oба^oй*; чув. *хăсон* [хăзон] ‘когда’; *кмоко* [кмого] (<*кмака*) ‘печка’, *кар^oм* [кар^oм] ‘я пошёл’ (<*кайр^oм*). Такие особенности свойственны средненизовому диалекту (говорам Козловского и отчасти

Урмарского района) чувашского языка. В других говорах (верхового диалекта) огублению в основном подвержены только гласные *ă, ё*, а не *a*, т.е. если в первом слог *ă*, а во втором *a*, то первый слог может быть огублен, а второй нет, хотя подобное огубление существует и в ряде верховых говоров: в некоторых словах в сундырском и шумерлинском говорах.

Выводы

Все эти отличия чувашского «оканья» и «огубления» от татаро-башкирского ставят под сомнение предположение Р. Г. Ахметьянова о кыпчакской природе чувашского вокализма в этих отличительных особенностях. Нет в чувашском языке и «акающих» говоров, в котором общечув. *o/y* соответствовало бы *a*, каковые существуют в татарском и кумыкском [2], а также в марийском (горно-мар. *a* ~ луг. *o*).

Исходя из этого, следует считать открытыми вопрос о происхождении чувашского «оканья» и «огубления», а также вопрос об огласовке алифа в болгарских эпитафических надписях.

Что касается низового чувашского «уканья» и его происхождения, то здесь следует отметить, что низовой диалект чувашского языка сформировался из среднего (средненизового) диалекта, который также «укающий» после проведения засечной черты от набегов ногайцев, южные лесостепные районы Чувашии стали постепенно заселяться чувашами из нынешних Янтиковского, Урмарского, Канашского и отчасти Цивильского районов, которые вначале ездили туда сеять и собирать хлеб, а потом стали там оседать. Вслед за ними там стали селиться и мишари-служилые татары, служившие русской администрации и собиравшие с первых налог (ясак). Многие мишарские деревни были основаны чувашами, которые либо отатарились, приняв ислам, либо, разделившись с мишарями, основали одноименную чувашскую деревню отдельно от татарской (также основанной первично чувашами). Наблюдался и другой процесс – когда изначально татарские деревни заселялись чувашами и очушавивались. Исследования архивных материалов убедительно это доказывают. Однако чувашский этнос всегда в этих районах, как, впрочем, и в нынешнее время, составлял большинство. Что, однако, интересно, так это то, что деревень со смешанным населением (в отличие от Татарстана и в особенности Башкортостана), практически нет.

Средний (средненизовой) диалект чувашского языка является неоднородным (по акцентуации и огублению), но в целом тяготеет к низовому вследствие «уканья». Следует, однако, заметить, что Янтиковский и Урмарский районы заселялись из области господства «оканья» (Козловский район), «уканья» (Канашский район), а также то, что в Урмарском районе существует говор пассивного «оканья». Пассивное «оканье» (Средние Юмаши)

является интересным феноменом – звук *o* произносится в этом говоре как нечто среднее между *o* и *y*. В принятой Н. И. Ашмарином транскрипции этот звук обозначается как *ô*.

Чувашское низовое и средненизовое уканье могло развиваться как раз из подобных говоров. В то же время ряд говоров среднего диалекта в области огубления конечного гласного обнаруживают ряд интересных параллелей с некоторыми болгарскими заимствованиями в русском и восточных языках, ср. русск. *батог* <булг. **бата^oк* ~ чув. *патак* [падак], чув. сред. *патак* [*падок*], ‘палка’ (Тюрлема Козловка), перс. *bolgur* ‘крупа из пшеницы или ячменя’ ~ тур. *bulgur*, караим., гаг. *булгур* ‘пшеница грубого помола’, ‘крупа’ (дословно ‘булгар’, т.е. ‘булгарская’) < булг. *бълбор.

Н. И. Егоров отмечал, что «средний диалект сравнительно мало подвергался иноязычным влияниям, здесь меньше всего марийских и татарских заимствований. Система вокализма среднего диалекта сохранила некоторые архаичные черты довольно хорошо реконструируемой среднебулгарской системы вокализма. В частности, здесь наиболее отчетливо проявляются следы губной гармонии, полностью утерянной низовым диалектом и базирующимся на этом диалекте литературным языком, более последовательно произошло сужение *e>i* и т.д.» [5].

Таким образом, изучение среднего диалекта и его образования является важным для установления окончательного характера чувашского «уканья», а также при реконструкции фонетики древнечувашского и среднебулгарского языка.

Список литературы

1. Арсланов Л. Ш. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: дис... канд. филол. наук. – Казань, 1966.
2. Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. Фонетика и лексика. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 247 с.
3. Ахметьянов Р. Г. Фонетика древнебулгарских заимствований в татарском языке // Татар теле һәм әдәбияты. – Вып. V. – 1976.
4. Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 1932.
5. Егоров Н. И. Чувашская диалектология и этнология // Теория и практика этнологических исследований. – «Наука», 1985. – С. 104.
6. Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии. – Махачкала, 1967. – 142–143 с.
7. Котлеев В. И. О некоторых фонетических особенностях красночетайского говора // Материалы по чувашской диалектологии. – Вып. II. – 1963.
8. Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. – М., 1964. – С. 110–111.

9. Матвеев Т. М. Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по диалектологии. Вып. I. – Чеб., 1960. – С. 26.
10. Сергеев Л. П. Некоторые материалы для диалектического атласа чувашского языка // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. II. – Чеб., 1963; Вып. III. – Чеб., 1969.
11. Сергеев Л. П. Чăваш чĕлхин вырăнти калаçăвĕсем. – Шупашкар, 1969.
12. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 223-227.
13. Федотов М. Р. История чувашского языка Ч.1. Звуки. – Чеб., 1971. – 103 с.
14. Beke E. Zur Lautgeschichte der tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen // FUF. – 1935. – Bd.23.
15. Gombocz Z. Die bulgarisch – türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // HSFOu. – 1912. – Bd.30. – S.142.
16. Nauta A. Der Lautwandel von a>o und ä>a in der Özbekischen Schrittsprache // CAJ. 197. – Bd.16. – N 2.
17. Serebrennikow B. Zur Geschichte der a-Laute im Tscheremissischen und Tschuwaschischen. // UAJ. – 1957. – Bd. 29. – S. 3-4.
18. Wichmann Yrjo. Die tschuwaschischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // Helsingfors. – 1903. – S. 256; Munkácsi B. Avtoják nyeln szótára // Budapest. – 1890-1896. – S. 190.

Исследование выполнено в рамках соглашения №14.В37.21.0712 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»

Рецензенты:

Корнилов Геннадий Емельянович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания ФГБОУ ВПО Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары.

Сергеев Виталий Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой чувашского языкознания и востоковедения имени М. Р. Федотова ФГБОУ ВПО Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары.